

Цю Ибо слегка приподнял бровь:

- Брат Чан, вы, кажется, слишком нервничаете?

- Да-да, это я... это ученик слишком волнуется, позвольте мне немного собраться, - поспешно ответил Чан Цзывэй.

- Брат Чан, не стоит так переживать, - улыбнулся Цю Ибо. - Его Величество милостив и мудр, это редкий образец просвещённого правителя. Без него Восточные земли погрузились бы во тьму на тысячелетия. А все сановники здесь - опора государства, так что бояться совершенно нечего.

Цю Ибо хотел было продолжить восхваления, но вспомнил, что он всё-таки из знатной семьи, и слишком усердные лесть и угодничество будут выглядеть недостойно, поэтому сдержался.

Весь двор вместе с императором Цзэ незаметно перевёл взгляд на Цю Ланьхэ - министр Цю, твой племянник, оказывается, мастер комплиментов!

Пожалуй, за всю жизнь император Цзэ не слышал от семьи Цю столько лестных слов, сколько сегодня.

Со лба Чан Цзывэя уже капал пот, когда Цю Ибо продолжил:

- Может, поступим так: я прочту первую половину, а брат Чан - вторую, чтобы у него было время собраться с мыслями. Как вам?

Канцлер Ван махнул рукой:

- Пусть будет так.

В глазах канцлера Вана читалось одобрение. С того момента, как Чан Цзывэй не смог продолжить речь Цю Ибо, всё стало ясно. Однако он хотел, чтобы Цю Ибо прочитал ещё раз, чтобы понять, чьих рук это дело. Хотя министр Цю не похож на того, кто стал бы подсказывать, но эта стратегическая записка была настолько искусной, что трудно поверить, будто её автор - молодой человек, не достигший ещё тридцати лет.

Цю Ибо прочитал две строки, затем сделал паузу, словно размышляя, и продолжил. Некоторые слова отличались от текста в документе, но смысл оставался тем же. В нескольких местах он добавил фразы, которых в оригинале не было. Канцлер Ван прервал его:

- Цю Ибо, твой пересказ отличается от написанного в стратегической записке.

Цю Ибо смущённо ответил:

- Ученик писал эту записку прямо на месте, поэтому кое-что не совсем точно помню. Не то что брат Чан, который годами шлифовал свой труд.

- О? - заинтересовался канцлер Ван. - Так это действительно твоя импровизация?

- Да.

- Хорошо. Тогда скажи мне, почему после больших бедствий обязательно следуют эпидемии?

Цю Ибо развернул пространственный ответ. В глубины медицины он, конечно, не погружался, но

знал, что большинство эпидемий возникают из-за вирусов, передающихся от погибших животных или из-за употребления в пищу чего попало. Когда люди голодают, они едят кору деревьев и даже глину, не говоря уже о крысах, летучих мышах или циветтах – это же мясо! Цю Ибо заменил вирусы на "мрачную энергию" и, опираясь на существующие медицинские теории, изложил свою точку зрения.

Канцлер Ван нахмурился:

- Всё это лишь твои предположения...

- А? – удивился Цю Ибо. – Ученик осмелился так говорить, потому что есть теоретическая основа.

Канцлер Ван хотел продолжить допрос, но император Цзэ вмешался:

- Это можно обсудить позже.

Канцлер Ван опешил, поняв, что Цю Ибо увёл его в сторону. Он откашлялся и спросил:

- Чан Цзывэй, тебе есть что сказать?

- Ученик невиновен! Ученик невиновен! – дрожащим голосом воскликнул Чан Цзывэй, его лицо побелело. – Эта стратегическая записка действительно плод моих многолетних трудов...

- Замолчи! – рявкнул канцлер Ван. – Если это твой труд, почему ты не помнишь из него ни слова?

Чан Цзывэй:

- Я... я...

Министр церемоний неожиданно вступился:

- Канцлер Ван, перед лицом Его Величества Чан Цзывэй впервые предстал перед императором. Величие власти могло смутить его, вызвать растерянность. Канцлер Ван, возможно, стоит смягчиться. На мой взгляд, в этом деле есть нечто странное.

Канцлер Ван спокойно посмотрел на министра церемоний:

- Министр Сюй, я не вижу ничего странного.

Министр церемоний сказал:

- Эта стратегическая записка явно написана человеком с большим опытом. Насколько мне известно, Чан Цзывэй родом из Сюньянфу, где жаркий климат и ядовитые испарения часто вызывают эпидемии. А Цю Ибо – выходец из знатной семьи, золотая молодёжь. Как он мог написать такую записку? Полагаю, молодой господин Цю за всю жизнь даже не прикасался к грязи! Кроме того, министр Цю – дядя Цю Ибо, что вызывает подозрения в утечке информации!

Канцлер Ван нахмурился:

- Министр Сюй, прошу вас быть осторожнее в выражениях!

Цю Ланьхэ усмехнулся:

- Ваше Величество, как дядя Цю Ибо, я не хотел бы высказываться, чтобы не выглядеть пристрастным. Но я вынужден вмешаться. Министр Суй, будьте осторожны в словах!

Знатный род, золотая молодёжь - значит, не знает народных тягот? И ещё осмеливается обвинять его в утечке информации? Они что, думают, у него нет чувства собственного достоинства?

Цю Ибо подумал, что министр церемоний - настоящий шутник: молчит-молчит, а потом выдаёт такое. И ещё подумал, что быть императором - неблагоприятное дело: обычные дворцовые экзамены превратились в судебное разбирательство. Если бы сановники держали в руках не нефритовые таблички, а палки для устрашения, сходство было бы полным.

Цю Ибо смущённо сказал:

- Министр Суй, вы меня неверно поняли. Если бы у меня не было настоящих знаний, зачем мне сдавать экзамены? Почему на уездных и провинциальных экзаменах я не жульничал, а решил смошенничать именно на дворцовых? Моя семья бедна, но у нас есть несколько титулов. Разве не лучше было бы мне стать чиновником по протекции?

Министр церемоний внутренне содрогнулся. Его семья бедна? А есть ли в стране Чжумин вообще богатые семьи?!

Цю Ланьхэ вежливо улыбнулся министру церемоний. В их семье всего хватало, но особенно - титулов. Ещё при основании государства они получили наследственный титул гуна, а затем поколения предков - как по основной, так и по боковым линиям - заработали ещё семь или восемь. Наверное, императоры того времени не особо хотели жаловать новые титулы, но деваться было некуда. Если бы Цю Ибо захотел, его старший брат Цю Ланьси немедленно подал бы прошение о передаче титула гуна Цю Ибо, и вся семья была бы только за.

Цю Ланьхэ давно знал, что, как только Цю Ибо войдёт в правительство, станет его правой рукой. Но он не ожидал, что уже на дворцовых экзаменах племянник покажет себя во всей красе - возможно, в чём-то он ещё неопытен, но в словесных баталиях ему нет равных. Искусство язвительных намёков у него в крови, что ли.

Цю Ибо стал ещё более смущённым и даже застенчиво улыбнулся:

- Ученик видит, что брат Чан... вряд ли знал о происходящем. Дворцовые экзамены - это лишь переписывание, запечатывание и представление. Ученик не видел черновиков брата Чана, я импровизировал, и он, должно быть, не видел моих. Канцлер Ван, вы много повидали и, наверное, уже поняли, в чём дело.

Канцлер Ван фыркнул. Раз император лично не вынес вердикт, значит, нужно продолжать расследование. Он сказал:

- Где произошла ошибка - при переписывании, запечатывании или представлении? Министр Суй, вы разобрались?

Министр церемоний:

- Канцлер Ван, простите за прямоту, но в Министерстве церемоний никаких ошибок не было.

- Тогда откуда взялись два идентичных документа?

- Это нужно спросить у Цю Ибо и Чан Цзывэя! - злобно посмотрел министр церемоний на обоих. - Кто у кого списал - господин Цю у господина Чана или наоборот, - какое это имеет отношение к моему министерству?

Цю Ибо вдруг устал от всего этого. Он равнодушно сказал:

- Господин Цю не списывал у господина Чана, а господин Чан не мог списать у господина Цю. Никто в мире не способен написать стратегическую записку, слово в слово совпадающую с чужой, не зная её содержания. Ошибка была либо при переписывании, либо при запечатывании, либо при представлении императору. В любом случае, проблема в Министерстве церемоний.

Придворные вдруг осознали одну вещь: этот Цю Ибо, похоже, не уступает своему дяде в искусстве быть "улыбающимся тигром".

Этой фразой Цю Ибо ограничил круг подозреваемых в помощи Чан Цзывэю теми, кто находился в зале. Виновен Чан Цзывэй или нет - другой вопрос, но он действительно не смог вспомнить ни строчки из записки. Если бы он был автором, то даже в панике мог бы вспомнить хоть что-то.

После дворцовых экзаменов вице-министр церемоний собирал работы и относил их в восточный павильон для переписывания, затем запечатывал и представлял императору. Кроме императора, никто при дворе не имел права приносить письменные принадлежности. Не мог же император лично переписать работу для Чан Цзывэя - даже принцы крови не достаивались такой чести. Значит, мошенничество произошло в Министерстве церемоний, и только во время переписывания у них было достаточно времени для этого.

Как бы то ни было, в таком деле главная ответственность ложится на Министерство церемоний, проводившее экзамены. Министру церемоний не избежать наказания. Мошенничество на экзаменах - серьёзное преступление, особенно на дворцовых. По сути, это обман императора. В их династии к этому относятся с особой строгостью, и одной жизни здесь может быть мало.

Взгляды придворных скользнули по министру церемоний, затем перешли к невозмутимому Цю Ланьхэ. Все думали: как же семья Цю воспитывает детей? Вырастили одного Цю Ланьхэ, а теперь ещё и Цю Ибо, получившего шесть первых мест! Хотя мерзости, которые творил Цю Ланьхэ, вызывали отвращение у большинства чиновников из знатных семей, но назвать его бездарностью язык не поворачивался.

- Ученик невиновен, канцлер Ван, ученик действительно невиновен! Когда я зашёл в боковой зал, один евнух потребовал, чтобы я признал всё, иначе грозился убить всю мою семью! - Чан Цзывэй вдруг упал на колени, дрожащим голосом продолжая: - Ученик больше не мог молчать. Я действительно потерял черновик и бывал в "Госте с небес", но я не знаю господина Цю!

- Хорошо, - холодно произнёс император Цзэ. - Оказывается, прямо передо мной нашлись те, кто осмелился протянуть руку... Сюй Ли, ты признаёшь свою вину?

- Ваш подданный... - министр церемоний опустился на колени, стиснув зубы. Он попал в ловушку и не мог ничего сказать. Он никак не ожидал, что император будет расследовать дело. Разве император не хотел, чтобы Цю Ибо не попал в правительство?! Но сейчас об этом нельзя было говорить. Он мог только надеяться, что император пощадит его за преданность. - Ваш

подданный плохо управлял подчинёнными. Ваш подданный виновен.

Император Цзэ сказал:

- Приказываю тебе в течение трёх дней найти виновных в мошенничестве на экзаменах...

- Ваше Величество, у вашего подданного есть доклад, - вдруг прервал его Цю Ланьхэ.

Император Цзэ разрешил: - Говори.

Цю Ланьхэ сделал шаг вперёд, сложил руки и сказал:

- Виновный в мошенничестве крайне коварен. Одним движением он пытается уничтожить двух талантливых людей, будущее нашей страны. Уже десять лет в государстве не было случаев мошенничества на экзаменах. Теперь, когда оно внезапно появилось, видимо, некоторые, пользуясь милостью Вашего Величества, забыли боль прошлых лет. От обмана императора до разрушения вековых планов Чжумин - его намерения заслуживают смерти. Прошу Ваше Величество сурово наказать виновного.

Канцлер Ван также выступил вперёд:

- Этот человек коварен. Если бы он просто хотел, чтобы Чан Цзывэй получил первое место, он мог бы поменять их имена при переписывании, а не создавать две одинаковые работы. Его цель - уничтожить репутацию Цю Ибо и Чан Цзывэя, чтобы они никогда не смогли войти в правительство. Этот старый подданный также считает, что наказание должно быть суровым.

- Оба министра правы, - сказал император Цзэ. - Одобряю.

- Чан Цзывэй, будучи под принуждением, заслуживает снисхождения, но не освобождения от наказания. Выгнать его из дворца, лишить учёной степени и навсегда запретить сдавать экзамены.

- Министр церемоний Сюй Ли плохо управлял подчинёнными и замешан в мошенничестве на экзаменах. Его преступление заслуживает казни. Заключить в тюрьму, семью сослать на три тысячи ли. Все причастные отстраняются от должностей до завершения расследования. Все виновные будут наказаны аналогично.

Император Цзэ медленно закончил, и все придворные воскликнули: "Ваше Величество мудр!" Лицо министра церемоний посерело, и он рухнул на пол. Его и Чан Цзывэя выволокли стражи. Император Цзэ посмотрел на Цю Ибо, стоявшего в зале:

- "Три тысячи слов у алых ступеней, пять цветов весны на золотом списке"[1]. Господин Цю достоин звания первого учёного.

Первый в истории династии обладатель шести первых мест - Цю Ибо.

Это было добрым предзнаменованием, и хотя это касалось семьи ненавистного Цю Ланьхэ, придворные не могли не порадоваться за императора, получившего такого талантливого человека.

Цю Ибо, юноша, окрылённый успехом, излучал непередаваемую элегантность и уверенность.

И тут кто-то вдруг осознал: погодите-ка, Цю Ибо появился в Яньцзине - и министр военных дел лишился должности. Затем пал министр финансов, и это тоже было связано с ним. Теперь

экзамены - и министр церемоний в опале. Трое высокопоставленных чиновников второго ранга - кто казнён, кто сослан. Да какой это добрый знак? Цю Ибо - настоящая зловещая звезда!

Примечание автора:

[1] Цитата из стихотворения, описывающего успешную сдачу экзаменов.

<http://bllate.org/book/14686/1310451>